

не менее исчерпала себя в русской литературе к середине 1850-х годов. Но тогда же появился иной тип переложений, когда автор вчитывался в сакральный текст, не отдаваясь свободной эмоции, не воспаряя и не отдаляясь от первоисточника. Такое отношение поставило новые задачи и обусловило «переход» псалма из поэзии в прозу. Ф.М.Достоевский в «Братьях Карамазовых» (последняя глава книги «Мальчишки» и «Эпилог») эпическим изображением современной жизни и широким введением библейского контекста вернул псалму ему масштабы, развернул центральную для него тему памяти в многоаспектности этого понятия.

¹ См.: Луцевич Л.Ф. Псалтирь в русской поэзии. СПб., 2002. С.383.

² Один из факторов возросшего числа переложений - появление в 1821 году русского прозаического перевода Псалтири.

³ Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т.1. С.316.

⁴ Глинка Ф.Н. Плач плененных иудеев // Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л., 1957. Б-ка поэта (б.с). 2-е изд. С.153.

⁵ Языков Н.М. Подражание псалму СXXXVI // Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. Б-ка поэта (б.с.). С. 252.

⁶ Григорьев В.Н. Чувства плененного певца // Поэты 1820 - 1830. С.381

⁷ См.: Языков Н.М. Подражание псалму СXXXVI. С. 252.

⁸ Глинка Ф.Н. Плач плененных иудеев // Глинка Ф.Н. Избранные произведения. С.154.

⁹ Николаев С.И. Псалом 65-й Яна Кохановского в поэзии Симеона Полоцкого // Русская литература. 2002. №4. С.124.

Н.Н.Закирова (Глазов)

Пушкинская крылатика в гендерном аспекте

Наследие Пушкина может быть рассмотрено как общая деривационная база крылатых выражений. Под крылатыми понимаются принадлежащие поэту слова, получившие употребление за рамками собственно пушкинского текста. В новейшем «Словаре крылатых выражений Пушкина» учтено около 1900 пушкинизмов!¹ Большая их часть наделена ярко выраженной гендерной определенностью.

Гендерная культура - часть всей культурной системы общества. Она охватывает чувственные конструкторы, подобно ценностям и идеалам, связанным с гендерными отношениями. Суть гендерного подхода к проблеме статуса «мужчины» и «женщины» не сводится только к их биологическим характеристикам. Гендер - социокультурное определение пола, основанное на разных полоролевых стереотипах, это своеобразная «суперроль», пронизывающая все остальные социальные роли.

Литература и литературоведение включают в свое интеллектуальное поле гендерную тематику. Анализ тем любви, семьи, брака, проблем женской эмансипации, характеристика лирического героя (героини), типология образов («тургеневские девушки», «чеховские женщины»), спе-

циальное выделение женской литературы («женский роман» от Надежды Дуровой до Александры Марининой), даже «женского прочтения» (критики) – яркое проявление гендерной чувствительности литературоведения.

Основанное на собственном богатом жизненном опыте, поэтическое наследие Пушкина дает представление о социо-культурных, моральных, этических нормах своей эпохи в целом и представляет, судя по востребованности пушкинских афоризмов сегодня, определенный интерес для современности.

Ряд исследований: о «Дон-Жуанском списке» поэта², перипетиях его семейной жизни и истории дуэли³, цветаевская, терцевская и другие интерпретации⁴ – не обошлись без обращения к понятиям «женственное» и «мужественное». Однако крылатика поэта специально не подверглась гендерному «измерению».

Современные исследователи утверждают, что «успешная коммуникация опирается, как правило, на возможность однозначной идентификации пола собеседника»⁵. Эта закономерность ярко проявляется в пушкинской поэзии (особенно в жанре посланий). Вместе с тем, встречаются «исключения из правил»: отсутствие категоризации читателей по признаку пола (например, «Друзья Людмилы и Руслана...»). Есть тексты, адресованные и мужчинам, и женщинам, что специально оговаривается автором, например, в обращении к читателям «Кавказского пленника»:

«Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы...»⁶

При этом «юноши» и «девицы» читают поэта по-разному. Цветаевское «желчь мужей, услада жен»⁷ означает, что восприятие Пушкина читателем зависит от его гендерной принадлежности.

Как же представлена гендерная дифференциация в крылатых словах пушкинской поэзии?

Прежде всего, у Пушкина в духе литературной традиции, где доминируют авторы-мужчины, отражается ситуация, в которой именно мужчина наделяется свойствами, индуцирующими Я. Это проявляется в изображении мужчины как активного персонажа, субъекта.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил (298);

Я вас любил... (678);

Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я (695).

Женщина в большей степени показана со стороны и потому наделяется внешними признаками и такими контрастирующими с мужскими свой-

ствами, как пассивность, эмоциональность, с приматом телесного над духовным⁸...

Как дай вам Бог
Любимой быть другим (281);

Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою? (548);

Одно имела я в предмете (430);

Пора пришла, она влюбилась (486).

В ряде фраз сформулированы и представлены сугубо мужские парадигма мышления и традиции поведения на поприще «науки страсти нежной»:

Как женщин, он оставил книги (282);

Он их искал без упоенья,
а оставлял без сожаленья (437);

Как рано мог он уж тревожить
Сердца кокеток записных! (286);

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей... (647).

Представлен в крылатике и фактор физического желания, «тайна брачных постели»:

Клянусь, о мать наслаждений,
Тебе неслыханно служу (295);

Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто (657);

С ней обретут уста мои (533);

Прелестная дева ласкала меня (494).

Пушкин - ведущий поэт - мужчина с доминирующей мужской традицией.

Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и напрасно (307).

Природная мудрость, универсальность и естественность позиции поэта проявляется в гендерной симметрии: в его афоризмах настойчиво и убедительно провозглашается значимость женщины в судьбе лирического героя:

Лобзай меня: твои объятья
Мне слаще мирра и вина (319);

Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног... (200).

Активность женского существа, по Пушкину, в способности вдохновлять творца, и потому роль Музы в восприятии поэта такая же главная, как и его собственная:

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов (610);

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум (502).

Феминная символика Пушкина многообразна: типология женских образов, выстроенная с мужских позиций, дифференцируется от «Змеи! змеи!» до «Гения чистой красоты». Здесь и «погибшее, но милое создание» (474), «И вы, красотики молодые» (230), и та, что «прелесть нежную стыда// В своем утратила паденье» (610) и, наконец, «Чистейший прелести чистейший образец» (651). А утверждение «Напрасны ваши совершенства» (376) соседствует с потребностью «Понимать душой все ваше совершенство» (483).

Согласно теории Лакана, кодирование пола в языке определяет отсутствие власти у женского воображения: женщина безмолвна, маргинальна⁹. По мнению многих феминистских литературных критиков, видеть себя глазами других - это характерная черта женской литературы¹⁰

Пушкинская крылатика содержит примеры женской активности, афоритичности «ее» высказываний, в ряде случаев женское Я становится субъектом речи:

Я вас люблю
(К чему лукавить?) (678);

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна (416);

Старый муж, грозный муж... (571);

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была (422);

Оставь Гирея мне: он мой (443) и др.

Симметрично представленные различные по полу группы естественным образом воссоединяются в семейном союзе. «Зависимость от жизни семейственной делает человека более нравственным», - считал поэт [209], и, сожалея о несостоявшемся браке двух любящих, писал:

«А счастье было
Так возможно, так близко» (39).

О чистоте брачных супружеских отношений высказывался:

«Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых» (638).

Роль гендера в литературном воображении «беспечного, влюбчивого» Пушкина, сердце которого «вновь горит и любит оттого/ Что не любить оно не может» (255), трудно переоценить.

Пушкин - ведущий автор русской поэзии с доминирующей мужской традицией, нашедшей яркое выражение в его крылатых словах. Выпорхнувшие из своих контекстов, эти речения в совокупности составляют уникальный интертекст, своеобразную партитуру мелодии любви:

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь - мелодия (262).

Нетрадиционный аспект анализа пушкинизмов, думается, важен при исследовании роли полов в литературе, в расширении представлений о развитии социума.

¹ Мокиенко В., Сидоренко К. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999. Далее цитаты пушкинских строк даются по этому изданию.

² Губер П. Дон-Жуанский список Пушкина. Пб., 1923.

³ Бурсов Б. Судьба Пушкина. Л., 1985; Васильева Л. Жена и муза: тайна Александра Пушкина. М., 1999; Ласкин С. Вокруг дуэли. СПб., 1993; Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1978; Их же. Наталья Николаевна Гончарова. М., 1987; Щеголев П. Дуэль и смерть Пушкина: В 2 т., М., 1987 и др.

⁴ Терц А. Прогулки с Пушкиным// Вопросы литературы. 1990. № 7-9; Сандлер Стефани. Тело и слово: гендер в цветаевском прочтении Пушкина// Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 234-257; Проскура Т. Семейные отношения в романах А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и

Л.Н.Толстого «Анна Каренина» в контексте времени// Филологические науки. 2000. № 2. С. 93-98.

⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии// Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15-23.

⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. - М., 1937-1949. Т. 2. С. 198. См. также: Фомичев С. Неизданный Пушкин: Новые тексты стихотворений А.С.Пушкина. СПб., 1996. Вып. I. С. 3-6.

⁷ Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1981. С. 148.

⁸ См.: Савкина И. Кто и что пишет историю русской женской литературы// Новое литературное обозрение. 1997.№ 24; Астрид С.Брокке. Игра в любовь: опыт анализа первого сборника А.Ахматовой «Вечер». Трумсе, 1995.

⁹ Лакан Ж. (Lacan J.) «The Signification of the Phallus» // Ecrits: A Selection. Tr. Alan Sheridan. NY: Norton, 1977. P. 281-291.

¹⁰ Астрид С.Брокке. Указ.соч. С. 79.

О.Н.Гринбаум(Санкт-Петербург)

Ритмодинамика композиционной структуры романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин»¹

Роман Пушкина «Евгений Онегин» по-прежнему таит в себе множество загадок. Наметившийся в последние годы² переход от изучения романа как данности (фабула) к рассмотрению ритмико-динамических аспектов развертывания в тексте виртуальной реальности (динамика сюжета), предопределяет качественно иное понимание необходимости темпорального взгляда на системно-структурную организацию гениального творения поэта.

Исследователь пушкинского текста, как правило, выступает в роли своеобразного «знатока», которому известно целое (текст как система). Текст (целое) структурно организован посредством своих частей (элементов) и, одновременно, он (целое как система) интегрирует эти взаимодействующие элементы в едином пространственно-временном континууме романа.

С другой стороны, нельзя забывать того обстоятельства, что Пушкин находился в совершенно иной темпоральной и прагматической presupпозиции по отношению к своему тексту. Пушкин работал над текстом романа около десяти лет (с 1823 по 1833 г., когда был напечатан полный текст Онегина), из чего следует, что автор не мог знать, куда, как и когда приведет его динамика виртуальной жизни героев повествования.

Эта динамика определяется принципом саморазвития³, при котором движение становится внутренним фактором становления новой качественности. Новое качество не сводимо ко всем прежним характеристикам эстетического объекта, какими бы существенными по своей природе они ни были. Принцип саморазвития действует не только в материальном, но и художественном мире: «гений творит как природа» (И. Кант). В

ПО ЦАРСТВУ И ПОЭТ

**Материалы
всероссийской научной конференции
«Н.М.Языков и литература пушкинской эпохи»**

**Средневолжский научный центр
Ульяновск, 2003**

УДК: 8Р1
ББК : 83.3(2=Рус)5
П-41

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 03-04-14028 г.

**Составитель
и
ответственный редактор
А.П.Рассадин**

Редакционная коллегия: А.А. Карпов (Санкт-Петербург), Н.В.Нарышкин (Казань), С.Б.Петров (Ульяновск), А.П.Рассадин (Ульяновск), Л.А.Сапченко (Москва)

П-41. По царству и поэт: Материалы всероссийской научной конференции «Н.М. Языков и литература пушкинской эпохи» / Сост. и отв. ред. А.П. Рассадина - Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2003. - 260 с.

ISBN 5-7769-0105-7

В сборнике представлены избранные материалы (доклады, сообщения, архивные документы), подготовленные участниками всероссийской научной конференции «Н.Языков и литература пушкинской эпохи» (Ульяновск, 24-26 апреля 2003 года), прошедшей на родине выдающегося русского поэта и приуроченной к 200-летию со дня его рождения. Для литературоведов, филологов, историков русской культуры и литературы.

ISBN 5-7769-0105-7

ББК: 83.3(2=Рус)5 - Языков

© Коллектив авторов, 2003
© «Средневолжский научный центр», 2003
© Рассадина Д.А., дизайн обложки, 2003